

на гранты для проведения научных исследований. В целом же надо площадку Университета использовать для того, чтобы чаще вести дискуссии, приглашать священнослужителей, ученых, культурологов, общественных деятелей, чтобы студент мог стать более просвещенным, чтобы мог поделиться своими знаниями в семье и кругу друзей. наших детей интересуют вопросы религии, и в связи с этим важно не допустить, антидидактики, антиобучения, антивоспитания в школах, в частности, на уроках по православной культуре. И наша задача в этом помочь!

Желаю Вам успешной и плодотворной работы конференции, всемерного успеха в дальнейшей исследовательской работе и творческом сотрудничестве!

Мирко Благович

Сербия, Белград

Институт философии и общественной теории

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ (ПРАВОСЛАВИЯ) В СЕРБИИ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?¹

Mirko Blagoevich

REVITALIZATION OF RELIGION (ORTHODOX) IN SERBIA: FACT OR MYTH?

Недавно мы сделали вывод, что в российском сообществе социологов религии в течение последних лет результаты многочисленных исследований, посвященных религии и религиозности, толковались диаметрально противоположным образом.

Первая группа упомянутых исследователей делает вывод, что в России нет никакого возрождения религиозности (православия), а на деле присутствует формальная религиозность, характеризующаяся идейной аморфностью, эклектичным сознанием, которое или не является строго определенным в конфессиональном смысле, как в начале девяностых, или, как сегодня, имея конфессиональную направленность, тем не менее является недогматическим, открытым, неструктурированным, как определенный вид духовной энтропии.

Вторая группа исследователей использует те же или аналогичные научные данные, но на их основании проходит к совершенно иным выводам. В России с девяностых годов прошлого века идет ревитализация

¹ Примечание: полные версии текстов докладов участников Пленарного заседания конференции будут опубликованы в журнале «Научные ведомости НИУ БелГУ», серия «Философия. Социология. Право» в 2011 г.

православия и аффирмация его общественной роли в целом, и это процесс, который в общем не вызывает сомнений.

И в сербской социологии с определенным опозданием по сравнению с указанным примером появляются не столь противоположные, как в России, но отчасти несовпадающие толкования тех же научных эмпирических данных о связанности людей с религией и церковью в Сербии.

Одно из толкований недавно представил Драголюб Б. Джорджевич, социолог религии из Ниша, пионер социологического эмпирического изучения православной религиозности в восьмидесятые годы прошлого века. До того, как Джорджевич высказал свое мнение, несколько иначе их интерпретировал автор данной статьи.

Джорджевич объясняет религиозность сербов, опираясь на релевантные эмпирические данные отечественной социологии религии с начала восьмидесятых годов прошлого века до сегодняшнего дня, которые могут быть сведены к нескольким основным пунктам:

1. За минувшие двадцать пять лет не произошло коренных изменений в религиозном самодекларировании и признании конфессиональной принадлежности. Речь идет о *континуитете*, а проценты респондентов, которые изъясняются, используя те или иные конфессиональные термины, и считают себя религиозными (слабый индикатор религиозности), *стабилизировались* и, по его мнению, можно предположить, что в будущем они будут колебаться от 60 до 80%, когда речь идет о личной религиозной идентификации и от 80 до 90% – в случае изъяснения о конфессии.

2. Вера в Бога, как наиболее общее выражение чьей-либо религиозности и наиболее часто используемый индикатор религиозности населения, *распространена* среди сербов и многократно *возросла* по сравнению с периодом двадцатипятилетней давности, но если принять во внимание и другие показатели религиозного сознания населения, как например вера в загробную жизнь, рай и ад или Иисуса Христа как Сына Божьего, то ситуация является амбивалентной.

3. Анализируя эмпирические данные, автор приходит к весьма печальному выводу с точки зрения регулярного выполнения церковных обрядов: сербы не принадлежат собственной церкви, они далеки от активной религиозной практики. Следовательно, невелик слой воцерковленных верующих, и нельзя говорить, что православные верующие соблюдают требования веры и своего религиозного руководства о правильном религиозном поведении, которые налагают регулярность в выполнении обрядов.

4. Приводя эмпирические данные об исключительно распространенных традиционных обрядах православия (крещение детей, празднование религиозных праздников, религиозный обряд погребения покойников), автор выявляет ту совокупность показателей, которая лучше всего описывает тип религиозности и тип верующего в отечественном конфессиональном пространстве, где православие является доминантным.

Сербия всегда была сильна в обрядовой религиозности и традиционной связанности с религией и церковью. Джорджевич пишет: «Поэтому,

оспаривая утверждения отдельных сербских социологов религии о том, что религиозность сербов чрезмерно возросла, я еще раз подчеркиваю свой тезис о возрождении их традиционной религиозности – 'сербское' православие по сути своей традиционалистическое – и преобладании традиционных верующих. Речь идет о традиционном, ритуальном типе, который крещен (и крестит своих потомков), венчался в церкви, празднует «Славу» (возможно Рождество и Пасху, в деревне обязательно и крестный ход) и будет похоронен с отпеванием. Такого верующего я называю 'верующим с четырьмя обрядами', и считаю его самым распространенным среди сербов, а выражение Г. Дейви 'believing without belonging' превращаю в формулировку 'традиционная принадлежность без веры'. Религиозность сербов в начале XXI века характеризуется традиционной принадлежностью без веры».

Наше объяснение ревитализации религий и религиозности граждан Сербии отчасти совпадает с толкованием Джорджевича, а отчасти отличается от него. В нем в первую очередь выделяется амбивалентность данного процесса, и его также возможно свести к нескольким пунктам:

1. Консенсус относительно значения религии и Бога для жизни людей в современном сербском обществе не так низок, как четверть века назад. Можно свободно сказать, что приблизительно столько же людей, сколько некогда были религиозными (около 10%), сегодня считает, что религия и Бог вообще не важны для жизни людей в современном сербском обществе

2. Что же касается индикаторов так называемой культурной религиозности в Сербии в последние тридцать лет, то ситуация неоднозначна. Континуитет существует при конфессиональной идентификации с православием, но не в случае религиозного самодекларирования. Что же касается религиозной идентификации верующих, то в отличие от этого статистического показателя, можно констатировать заметную ревитализацию в смысле декларативного изъяснения респондентов в пользу личной религиозности, т.е. самодекларирования в пользу позиции верующего.

3. Что же касается элементов религиозного сознания населения, ситуация амбивалентна: существует общий консенсус относительно веры в Бога, а количественные размеры ревитализации этой стержневой установки христианства приблизительно такие же, как и для религиозного самодекларирования. Тем не менее, другие верования из корпуса догм христианства, хотя и пережили ревитализацию, не возросли так сильно, как личная религиозная идентификация респондентов и вера в Бога.

4. Ревитализацию ритуальной практики православия в Сербии необходимо рассматривать дифференцировано. Не только выбор православной конфессии, но и акт празднования «Славь» и церковных праздников, крещения детей, венчания в церкви и отпевание были весьма далеки от эрозии, в отличие от некоторых других ритуальных действий, регулярность которых сводилась к инцидентным случаям. Конечно же, речь шла о так называемой актуальной религиозной практике, которая касается посе-

щения церкви, особенно литургии, молитвы в церкви и вне ее, соблюдения поста, причащения и других аналогичных обрядовых действий.

Наше толкование отличается от толкования Джорджевича в том, что при выявлении процесса ревитализации религиозности мы направляем внимание на наиболее слабое звено в составных частях конвенциональной религиозности и на связанность людей с религией и церковью. Там мы находим изменения, которые несомненно далеки от ожидаемого церковью неproblemатичного и последовательного религиозного поведения, но свидетельствуют о несомненном укреплении и «оздоровлении» этого звена. Джорджевич выбирает индикаторы традиционного отношения к религии и церкви, которые показывают, что религиозность такого типа самая распространенная, что в то же время и существо современной православной религиозности. Мы выносим на первый план актуальное религиозное поведение, так как именно через него мы и доказываем действительные, но ограниченные и медленные изменения в конвенциональной религиозности населения, поскольку актуальное религиозное поведение, и ставилось под сомнение, особенно ранее, благодаря эмпирическим данным о его существенном и заметном разрушении.

Структура верующих, сложившаяся в течение девяностых годов прошлого века в Сербии, сохранилась, в области религиозного сознания укрепились, а в обрядовой области черепашьим шагом продвинулась вперед.

Елена Мирановна Мчедлова

Россия, Москва

Институт социально-политических исследований РАН

НОВОЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ: С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГА РЕЛИГИИ

Helena Mchedlova

NEW RELIGIOUS ENVIRONMENT: IN TERMS OF SOCIOLOGISTS OF RELIGION

Помимо уже давно существовавших философий религии, в XX веке возникли несколько «новых» течений: диалектическая теология процесса, экзистенциальная, секулярная, радикальная, посттеистическая, теология земных реальностей, теология труда, теология культуры, теология политики, феминистская, «черная» и пр. Им свойственно стремление преодолеть противостояние «Земля» – «Небо» и превратить учение о Боге также в учение о людях и их земных делах, а также определить природу и функции «религиозного опыта»; исследовать смысл и функции языка религии; определить степень обоснованности и истинности религиозных верований, их эпистемологический статус.